

Предисловие

У жизни своя, неподвластная большинству людей математика: как бы она ни складывалась, получается не сложение, а сплошные потери. Оттого, наверное, многие сводят счеты с жизнью. У Владимира Васильевича Высокова потерь особых не было, если не считать того, что в возрасте десяти лет он лишился отца, о чем вспоминать не любил, зато потом были сплошные приобретения. Но это тоже всего лишь фигура речи, ведь просто так ничего не дается — всего надо добиваться, все приходится завоевывать. Окончил школу с золотой медалью — добился, стал чемпионом города по биатлону среди школьников — завоевал. Был призером страны среди юниоров. Правда, потом со спортом все сложилось не очень хорошо — Володя начал быстро расти, что само по себе и неплохо. Но он вымахал за полтора года почти на двадцать сантиметров, а сердце почему-то не успевало за такими изменениями организма. Он стал задыхаться уже на первой половине дистанции, а на огневых рубежах сердце стучало так, что винтовка прыгала в руках.

Да и на спусках ему трудно было устоять, его выносило в сторону — в рыхлый снег или в рекламный щит, на котором какая-нибудь красотка в бикини рекомендовала всем отдыхать на пляжах Турции.

Про спорт пришлось забыть, зато к окончанию школы Высоков полностью оправдывал свою фамилию — рост его перевалил за метр девяносто. Мама тихо радовалась и часто повторяла, глядя на сына: «Пожалуй, ты будешь выше папы». Отец Володи был народным судьей и, несмотря на свое звание, добрым и необидчивым человеком. Друзья называли его Васей, разумеется, и обращались к нему шутливо: Вася Высочество. Например, Вася Высочество, а не соблаговолите ли пойти сегодня с нашей компанией на футбол? Больше футбола отец Володи любил только сына и жену. А потом его убили: застрелили дома — в квартире, где они жили дружной семьей. Однажды Володя вернулся из школы, а на площадке и в квартире было полно полицейских. Потом примчался папин друг Колодин и забрал сына друга к себе на пару дней.

Это была первая и самая большая потеря в жизни Владимира Васильевича. Были, конечно, и неудачи, но особых огорчений они не приносили — скорее разочарования. На предпоследнем курсе он собрался было жениться на сокурснице Варе Коробейник. Она жила в студенческом общежитии, и Володя несколько раз оставался у нее ночевать. В одну из таких ночей он сделал ей предложение,

и утром Варя приняла его. В выходные они отправились знакомиться с Еленой Александровной — мамой Володи. Мама была очень любезна, но потом посоветовала Володе подумать хорошенько: ей не понравилось, что будущая невестка курит и громко смеется. Не то что мама плохого не посоветует, но Высоков передумал жениться. Передумал внезапно: зашел к Варе в общежитие, толкнул дверь комнаты, в которой проживала его будущая жена, и обнаружил ее в постели с Гурамовым. Увидев жениха, она даже не вскрикнула от ужаса ситуации, а, посмотрев в его глаза, переполненные гневом, объяснила: «Ну, ты же не пришел вчера, а я грустила». Она потом вернулась в родной город, а Гурамов никуда не уехал: он стал майором полиции и даже дослужился до заместителя начальника районного отдела по уголовному розыску. Потом его уволили по служебному несоответствию.

Конечно, у Высокова были после другие девушки и женщины, но не настолько много, чтобы считать себя сердцеедом. Последние полтора года он встречался с мировым судьей Алисой Никифоровой — разведенной и любящей поговорить в постели. Обычно она рассказывала истории из жизни своих подруг, по большей части неизвестных Владимиру. И каждое повествование заканчивалось одной и той же странной для судьи фразой: «Я ее не осуждаю, конечно».

Высоков понимал, что Алису он не любит, но других женщин не знал, а потому приходил к ней с цветами и подарками. Но чаще она приезжала к нему, потому что Высоков жил один в старом доме с толстыми стенами и можно было, не таясь никого, рассказывать ночью разные истории с интимными подробностями. И хотя истории были разные, Владимира Васильевича, если честно, они уже достали.

А вообще любовь в жизни Владимира Васильевича была — еще в школе. Но школьная любовь, как все знают, всегда проходит.

Глава первая

Высоков вышел из здания городского суда. Над парком Авиаторов светило солнце, проплывали облака и птицы. Владимир Васильевич хотел уже двинуться к своему автомобилю, но тут к нему подскочил бывший сокурник Словоерсов.

— Привет, сигареткой не угостишь? — начал он и вспомнил: — А-а, ведь ты не куришь... Ну, тогда ладно...

Он хотел отойти, но что-то удержало его.

— Борьку Лифшица помнишь? — поинтересовался Словоерсов. — Маленький такой был. А сейчас...

— Неужели подрос? — пошутил Высоков.

— Нет, конечно, хотя пузо наел приличное. Он уже восемь лет живет в Штатах. Работает по специальности... Говорит, что поднялся хорошо. Лифшиц мне позвонил вчера по старой памяти, пригласил в субботу в кабак. Может, вместе сходим?

— Так я с ним не дружил.

— А я разве дружил? С ним, по-моему, никто...

— Не знаю, смогу ли, — начал сомневаться Владимир Васильевич.

— А чего знать? — наседал бывший сокурсник. — Бери с собой Никифорову, она какую-нибудь подружку прихватит... Или ты боишься, что тебя — судью — увидят в обществе адвоката и невесть что подумают? Так у тебя в производстве нет моих дел, к тому же мы университетские друзья.

Друзьями они никогда не были, но Высоков спорить не стал.

— С чего ты взял, что у меня с Никифоровой что-то есть?

— Ой, ой! — изобразил смущение Словоерсов. — Да все знают. Она же была на два курса младше нас и на тебя уже тогда заглядывалась. Потом это ведь она жила в общежитии в комнате вместе с Коробейник, а после замуж выскочила и освободила жизненное пространство.

Словоерсов, судя по всему, знал все. Вероятно, и про Гурамова тоже.

— Послушай, Дима, — начал оправдываться Владимир Васильевич, — про Никифорову — это сильное преувеличение. А что касается ресторана, то я подумую.

— А чего думать? Ресторан «Строгановф» на Невском. К семи вечера и подходи.

Субботний вечер Высоков собирался провести как раз с Алисой, но накануне та позвонила сама и сказала, что у дочки день рождения и вместо того, чтобы отправиться к бабушке, дочь будет отмечать дома. Бабушка, само собой, притащится праздновать и останется ночевать.

— Так что извини, милый, — закончила свой доклад мировой судья Никифорова, — вот такая у меня мама!

— Я ее не осуждаю, — пошутил судья Высоков.

И теперь понял, что отправится в ресторан «Строганофф».

Глава вторая

В зале играла музыка. Столики были застелены скатертями, на них стояли подсвечники со свечами. Те, правда, не горели, но все равно все выглядело очень пристойно. Высоков отыскал глазами стол, за которым сидели Дима Словоерсов и невысокий лысеющий человек, в котором трудно было узнать Боря Лифшица: в годы обучения Боря был кудряв и у него на подбородке красовалась растительность, мало похожая на бороду. Теперь он был гладко выбрит и одет в черный смокинг с галстуком-бабочкой.

Владимир Васильевич подошел к ним и поздоровался. Лифшиц поднялся со своего стула, но ростом выше не стал. Он посмотрел на бывшего сокурсника снизу вверх и удивился:

— Ты что, до сих пор растешь?

Незаметно опустился на стул и тут же продолжил разговор, который они вели:

— Короче, открыл я свою контору. На Брайтоне, разумеется. Маленький офис — одна тесная

комнатка, рядом с моим столом, в шаге — вход в туалет. Никакой секретарши, разумеется, — платить-то ей нечем. Вывеску повесил «Борис Лифшиц. Разводы, раздел имущества, наследственные дела». Клиентов не было, а если кто и приходил, то с порога предупреждал: «Я — человек бедный, у меня даже страховки нет». Потом часть вывески у меня упала и раскололась. Осталась только часть: «...наследственные дела». Коротенькая, как вы понимаете. Я взял и приписал «в России». И ровно через два дня ко мне пришла старушенция — семьдесят восемь лет. Долго мне рассказывала, как трудно жить — мол, у нее много болезней, а недавно умер муж, которому было восемьдесят восемь и он до последнего дня работал... А теперь она и сама скоро. Короче: наследников у нее нет, разве что в России — троюродная племянница, которой тоже лет семьдесят и живет она в Ленинграде. Клиентка попросила составить завещание в пользу племянницы, пожелав оставить ей свою квартиру, ювелирную лавку, банковский счет, автомобиль «додж» и украшения... Всего, по ее подсчетам, наследство составляло около десяти миллионов долларов. Заработал я на оформлении ее наследства совсем немного. И вдруг старушенция умирает.

Лифшиц откинулся на спинку стула.

— Я узнал об этом чисто случайно. И сразу стал действовать согласно условиям нашего контракта. Начал искать ее племянницу, указанную как про-

живающую в Санкт-Петербурге Мара Давидовна Меергольц. Таких в нашем славном городе не оказалось. Слава богу, я обратился в одно розыскное агентство, которое выполнило всю работу.

— Агентство «ВЕРА», — уточнил Словоерсов.

— Ну да, — подтвердил Лифшиц, — именно его мне рекомендовали как надежное. Нашли они эту племянницу, сейчас ей шестьдесят два и зовут ее Иванова Мирослава Давыдовна, урожденная Маргелова. Моя американская клиентка все перепутала, но родство было подтверждено документально.. Я связываюсь с родной дочерью ее сестры, той самой Мирославой Давыдовной, объясняю ей все. Говорю, прилететь не могу, мол, пандемия. Я, конечно, могу деньги вам отправить, имущество продать и еще немного отправить, но учтите, это процедура долгая, и вы должны сами вступить в права наследования на территории Соединенных Штатов, подождать там полгода, потом отдать тридцать пять процентов налога, перевести деньги в Россию, заплатить полтора процента за перевод, потом еще в российский бюджет тринадцать процентов подоходного. «Сколько же мне всего достанется?» — спросила бабка и начала объяснять, что у них с мужем двухкомнатная квартира, в которой живет дочка с мужем и двумя детьми, а сами они с супругом круглый год на маленькой даче, где холодно и нет ни водопровода, ни канализации. И тут мне пришла в голову замечательная мысль.

Лифшиц посмотрел на стоящую на столе перед ним бутылку вина и предложил:

— А давайте выпьем!

Бутылка стояла перед ним, но взял ее Словоерсов, начал разливать. А Лифшиц продолжил:

— И тут мне в голову пришла ну просто замечательная мысль. «Вы даете мне доверенность на представление ваших интересов на всей территории Соединенных Штатов и за их пределами, а также возможность распоряжаться наследством, с правом продажи имущества... А я все здесь, то есть в Штатах, реализую, и чтобы не платить налоги, покупаю вам в Петербурге трехкомнатную квартиру и загородный дом со всеми удобствами. У вас еще и деньги останутся, хватит на два автомобиля и не только. Бабка, естественно, обрадовалась. Я выполнил все, что им обещал. Вся операция мне обошлась в один миллион долларов, вместе с двумя автомобилями «шевроле каптива», которые я приобрел здесь — в России. Мало того, я еще им на два счета перевел по восемь миллионов рублей. Они так были обрадованы, плакали от счастья и целовали меня... Честно скажу, я тоже плакал.

— Ты-то сам что-то заработал? — поинтересовался Словоерсов. — А то столько трудов положил.

— Ну так, сущую мелочь, — признался Борис. — На счетах у старушки нашлось семь с лишком миллионов, драгоценности потянули на четыре... муж-то у нее не просто ювелиром был,

который спаивал разорванные цепочки, замочки на сережках ремонтировал — он полвека скупал у репатриантов вывезенные из СССР уникальные вещи. Короче, общий мой доход после завершения контракта составил двенадцать с половиной миллионов таких баксов. Штаты, ребята, — это страна возможностей. Боже, благослови Америку! За это выпьем!

— Да, всем бы таких тетушек, — вздохнул Словоерсов.

— А у меня была как раз троюродная, — признался Владимир Васильевич, — только она была тетушкой не мне, а отцу. А для меня, стало быть, троюродной бабушкой. Незадолго до того, как папы не стало, она умерла, оставив нам дом в Сестрорецке.

— Так мы бывали там! — обрадованно вспомнил Словоерсов. — Мы к тебе ездили постоянно. То есть не к тебе, а на пляж — там до него ходу минуты три...

Последние слова были обращены уже к американскому другу.

— Да я же там тоже бывал, — признался Лифшиц.

Вот как раз его Высоков и не помнил.

Он посмотрел в сторону и увидел женскую спину за соседним столиком. Стройная девушка. Лица Владимир не видел. Она сидела с молодым мужчиной, и пара о чем-то негромко беседовала. Девушка